Формирование и генезис системы образования России до XIX в.

Патов Николай Александрович – д-р пед. наук, академик РАО, профессор, ООО «Издательство "Профессиональное образование"» (Брянск, Россия); patovnabryansk@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена процессу формирования и трансформации образовательного пространства России. Особое внимание уделяется государственной политике в сфере образования, прежде всего высшего. Исследование охватывает период от крещения Руси до создания в 1803 г. Министерства народного просвещения под руководством графа Петра Завадовского – первого центрального ведомства, отвечавшего за развитие образования, науки и цензуры в стране. Подробно рассматриваются специфика взаимодействия государства, общества и системы образования в России, а также взаимовлияние европейской и российской просветительских традиций в указанный период.*

Ключевые слова. *Специфика образования, образовательный сценарий, просветительские инициативы, полемическое состояние, совокупность политических и философских принципов, П.В.Завадовский.*

Специфика российского образования заключается в том, что исторически основным заказчиком и бенефициаром образовательных услуг в России выступало и продолжает выступать государство. Осознание того, что образование, помимо формирования мировоззренческих установок, выполняет также функцию усиления военной и экономической мощи страны, побуждало государство искать пути создания оптимальной образовательной системы. При этом в отличие от европейской модели, где значительную роль играли негосударственные институты, в России именно государство несло основную ответственность за развитие образования, что обусловило исключительную роль власти в данной сфере.

Государственное участие в образовательном процессе начинается с 988 г. – времени принятия Русью христианства по восточно-православному обряду. Поскольку крещение Руси стало государственной инициативой, а не результатом миссионерской деятельности независимых от властей подвижников, подготовку священнослужителей и миссионеров, а также воспитание правящего слоя в духе новой религии государство взяло на себя. Таким образом, первый масштабный образовательный проект в русской истории был инициирован крестителем Руси – великим киевским князем Владимиром Святославичем. Вскоре после принятия новой веры и ликвидации очагов язычества он «посылал … собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное» [1, с. 132–133]. Польский хронист Мацей Стрыйковский (1547 – после 1582) сообщает, что князь Владимир начал реализацию образовательного проекта с обучения собственных сыновей – Ярослава, Мстислава, Изяслава и Бориса: «И отдал (Владимир) всех преждереченных сынов своих и при них несколько сынов боярских письму греческому и глагольскому (который ныне Русь употребляет) учить, назначив над ними дьяков для наставления молодых» [2, с. 77, 256; 3, с. 64]. Следовательно, первое поколение русских христиан обучалось не только славянскому языку, но и гре-

ческому – языку Византии, откуда на Русь пришло христианство.

С этого времени на Руси складывается достаточно устойчивая статусная модель: правящая династия считает своим долгом усвоение и накопление знаний (прежде всего вероучительных, необходимых для спасения души, но не ограничиваясь только ими), а также самообразование и создание условий для просвещения подданных. В этой модели отразился византийский культурный образец, заимствованный Древней Русью вместе с православной верой. Именно в период с VII по XII в. «идеалом византийских писателей был император, увлеченный науками, покровитель знания, любитель книг. … В обязанность государя вменяли заботу не только об управлении, законах, религии, но и об обучении» [4, с. 369–370]. Вместе с тем, христианское миссионерство и сопутствующее ему распространение грамотности и знаний служили на Руси укреплению «государственной вертикали» – так же, как и в Византии [4, с. 375].

Показательно, что в основе древнерусского образовательного сценария для знати лежало в первую очередь изучение иностранных языков. В этом отношении третье и четвертое христианские поколения киевских Рюриковичей продолжали традицию предков. Великий князь киевский Владимир Всеволодович Мономах, внук Ярослава Мудрого и византийского императора Константина IX Мономаха, в своем знаменитом «Поучении детям» писал, среди прочего: «Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь – как отец мой (великий князь Всеволод Ярославич), дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран» [5, с. 400–401]. Об одном из внуков Владимира Мономаха, великом владимирском князе Михалко Юрьевиче (сыне Юрия Долгорукого), правившем год и 5 дней (1175–1176), в «Истории российской» В.Н.Татищева (1686–1750) сказано, что он «вельми изучен был писанию, с греки и латины говорил их языки, яко русским» [6, с. 115].

На протяжении веков именно изучение иностранных языков ставилось на Руси в основание образовательного процесса. Как сказано в утвержденной царем Федором Алексеевичем в 1682 г. «Привилегии на Академию» (вошедшую в историю под именем Московской славяно-греко-латинской академии и являющуюся первым российским высшим учебным заведением), это «училище по чину Академии» устроено, чтобы «во славу Божию разными диалекты, греческим, славенским и латинским, … зде в России» обучать [7, с. 224, 225]. В таком взгляде на образование присутствует, с одной стороны, чисто прикладная цель, заключавшаяся в возможности общения с иностранцами, получения знаний из книг, написанных на иностранных языках, обучения в европейских университетах, где царила латынь. Недаром с начала XVIII в. даже в отечественные медицинские школы, а позже в Академический и Московский университеты, где преподавание велось на латыни, предпочитали брать питомцев Славяно-греко-латинской академии. Был в изучении иностранных языков и честолюбивый мотив, о котором писал Владимир Мономах («честь от других стран»).

Но в подобной организации образовательного процесса можно обнаружить и богословский мотив. Согласно Святому Писанию, изначально «на всей земле был один язык и одно наречие» (Бытие. 11:1). Носители этого единого наречия задумали достичь небес, не прилагая духовных усилий, а посредством усилий исключительно физических – выстроив башню до небес. Чтобы расстроить это предприятие, «смешал Господь язык всей земли» и рассеял строителей «по всей земле» (Бытие. 11:6-7, 9). В эпоху же Нового Завета Господь Иисус Христос после Своего воскресения призвал апостолов: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари». И предрек, что уверовавшие «будут говорить новыми языками» (Евангелие от Марка. 16:15, 17).

Таким образом, владение иностранными языками для христианина выглядело исполнением пророчества самого Спасителя, а также предполагало, что данное знание его носитель использует для проповеди евангельской истины.

Тем не менее, древнерусский период в истории отечественного образования не создал образовательных институций, которые просуществовали бы на протяжении более или менее заметного времени (за исключением возникшей трудами православных греков и украинцев все той же Московской славяно-греко-латинской академии, правопреемницей которой считается современная Московская духовная академия). Образовательные инициативы на Руси XI–XVII вв. имели характер спорадический и сиюминутный, приспосабливались к злобе дня и довольно быстро теряли актуальность. По крайней мере, у нас пока нет исторических оснований смотреть на эту область русской общественной жизни иначе. Конечно, эпиграфические материалы, материалы берестяных грамот говорят о заметном проценте грамотных людей в разных слоях древнерусского населения. Более того, берестяные грамоты свидетельствуют о существовании, по крайней мере, начальной школы в Великом Новгороде. Однако ничто не указывает на бытование у людей Древней Руси представлений об образовании как определенной системе, имеющей многоступенчатый поступательный характер.

Кроме того, сознание собственной религиозной исключительности мешало жителям, например, Московской Руси воспринимать созданные иноверцами образовательные системы как нечто подходящее для употребления в православной державе. После падения Византийской империи в 1453 г. в Московской Руси постепенно сформировалась идея Москвы – третьего Рима, последнего оплота незамутненной ересями христианской традиции. В такой системе координат обучение у западных христиан, считавшихся на Руси еретиками, не только противоречило религиозному высокомерию московитов, но и несло в себе угрозу утратить христианское первородство, надежду на спасение души, подвергало подпавшего под западное влияние вечным мукам в загробном мире. В конце концов, на рубеже XV–XVI вв. опасение за чистоту православия поставило в Московском государстве под подозрение вообще всякую форму учености.

В свою очередь, житель западнорусских земель, вошедших в состав Польского и Литовского государств, уже в XV – начале XVI в. осознал, что для полемической состоятельности в борьбе с инославными проповедниками необходимо владеть западным интеллектуальным инструментарием. Вследствие этого в западнорусских землях создавалась сеть православных образовательных учреждений, часть которых по своему уровню приближалась к высшим учебным заведениям западной Европы. Кроме того, здесь можно было получить качественное образование в инославных, но русскоязычных школах (как, например, поступил Лжедмитрий I, обучавшийся у сектантов–социниан в академии в Гощи, под Ровно).

Тем не менее, потребность в квалифицированных носителях прикладных знаний (медицинских, военных, мореходных и кораблестроительных, инженерных и архитектурных) росла в Московской Руси на протяжении всего XVII в. в геометрической прогрессии. Кадровый вакуум заполнялся западными «гастарбайтерами». Австрийский дипломат, находившийся в Москве в 1661–62 гг., писал: «Иноземцев набралась такая пропасть в Москву на царскую службу из Германии, Батавии, Англии, Шотландии и других стран: в 1662 году, кроме двух полных генералов и двух генерал–майоров, я мог бы прочитать записанные в моей памятной книжке имена более ста иностранных полковников, многих подполковников и майоров, и назвал бы почти бесчисленное

множество капитанов и прапорщиков. Всем им [царь] Алексей [Михайлович] не тяготится платить жалованье даже и задаром в мирное время, чтобы иметь их всегда налицо при неожиданно наставшей войне» [8, с. 177]. В 1696 г. в армии московского царя числилось 954 офицера–иностранца от генерала до прапорщика, ежегодное содержание которых обходилось казне в колоссальную по тем временам сумму в 120–130 тыс. руб. Кроме того, в том же году из 794 собственно русских офицеров 455 человек были так называемыми «новокрещенами», преимущественно поляками и литовцами, принявшими православие и получавшими по этой причине меньшее жалование, полагавшееся местным служивым [9, с. 38–39].

Проблема русского правительства к концу XVII в. состояла, таким образом, и в значительных государственных расходах на иностранных служащих, и в том, что масса православных служилых оказывалась в подчинении инославного начальства, что гипотетически несло угрозу нежелательного Москве религиозного влияния на царских подданных. Следовательно, в основу образовательных инициатив Петра Великого легли охранительные по своей природе задачи: экономия государственных средств и защита православной веры в служилом сословии. Для решения обеих задач следовало русифицировать класс квалифицированных государственных служащих за счет создания возможностей местным уроженцам получать западного типа профессиональные знания и навыки. Достигалось это двояким способом: посредством отправки на учебу за границу русских юношей, а также через создание ряда учебных заведений (в том числе с приглашенными иностранными преподавателями) в России.

На протяжении петровского царствования путем государственной и частной инициативы был создан ряд учебных заведений, например общеобразовательные епархиальные и «цыфирные школы». Правда, со временем эти учебные заведения постоянно меняли ведомственную принадлежность и в конечном счете деградировали. Среди специальных учебных заведений следует отметить Навигацкую школу (позже Морская академия, а в итоге – Морской корпус), где преподавание вели несколько питомцев британских университетов, Инженерную и Пушкарскую школы, разными путями сохранившиеся до 1917 г. (Морской корпус – до наших дней). Однако создание всех этих учебных заведений не привело к возникновению сообщающейся системы образования. Вновь, как и в Древней Руси, это были разовые мероприятия, направленные на удовлетворение актуальных государственных потребностей (прежде всего военного характера). Хуже всего было то, что законодательство не предусматривало каких-либо социальных и служебных преференций, проистекающих из образовательного ценза. Более того, при Петре Великом дворянин был обязан поступать на службу нижним чином, служить пожизненно, а если ничем особенным себя не проявил, мог остаться нижним чином навсегда.

Вершиной петровских начинаний в образовательной области стало создание Академии наук в Санкт-Петербурге. Это был посмертно реализованный проект, осуществленный уже в правление Екатерины I. Тем не менее, академическая структура включала в себя двухуровневое образовательное подразделение, состоявшее из гимназии и университета. И если академическая гимназия дала вскоре определенные плоды в виде целой плеяды талантливых выпускников, отправленных по преимуществу в европейские университеты, то Академический университет, не дававший особенных служебных преференций, был в конце концов закрыт из-за отсутствия студентов.

Наиболее удачным светским образовательным проектом первой половины XVIII в. в России стал созданный в 1731 г.

указом императрицы Анны Иоанновны Сухопутный Шляхетный (первоначально просто кадетский) корпус в Петербурге. По мере возможностей это сословное учебное заведение, копировавшее «рыцарские академии» Пруссии, предоставляло молодым дворянам разностороннее образование и культурное воспитание, но самое главное – давало своим выпускникам возможность, в обход петровского законодательства, начать военную службу в офицерском чине.

Менее удачным опытом следует признать учреждение в 1755 г. Императорского Московского университета, который приобрел свой позднейший авторитет совсем не скоро. В XVIII в. дворян отпугивал от университета его общесословный характер (следствием чего могли стать почерпнутые в разночинной среде дурные манеры), всех прочих – неопределенность последующей карьеры университетских питомцев. Образовательный вакуум дворяне заполняли при помощи частных учителей и учебных пансионов, выходцы из духовного сословия – за счет духовных училищ, которые как раз напоминали известную образовательную систему. Так, в 1737 г. началось постепенное преобразование епархиальных школ в средние специальные учебные заведения – семинарии, а высшая духовная школа была представлена в России двумя академиями: Московской и Киевской.

Как бы то ни было, но российская государственная политика в области образования до 1760-х гг. не отличалась системным подходом. На протяжении десятилетий эта политика ограничивалась организацией отдельных учебных заведений, которые в своей массе никак друг с другом не сообщались. Правительство к тому же достаточно произвольно подходило к судьбам питомцев этих учебных заведений, не гарантируя им последующего трудоустройства и карьеры. Концептуальность государственной политике в области образования придала императрица Екатерина Великая, активная сторонница философии просвещения. Своеобразным компендиумом политических и философских принципов императрицы стал составленный ею так называемый «Большой Наказ», адресованный Комиссии о сочинении проекта нового уложения (составлен в 1767 г., издан в 1770 г.). Ключевые положения этого документа гласили: во-первых, «Россия есть Европейская держава»; во-вторых, чтобы предупредить преступления, «сделайте, чтобы просвещение распространилося между людьми» [10, с. 2, 73].

Первоначально задачей распространения просвещения – и более того, воспитания «новой породы людей» (русских просвещенных европейцев) –должны были заниматься два закрытых сословных учебных заведения. С одной стороны, это был Московский воспитательный дом для мещан (основан в 1763 г.), с другой – созданное в 1764 г. Воспитательное общество благородных девиц (Смольный институт), в котором воспитывалось до 200 молодых дворянок, а в училище при нем – до 240 мещанских девушек. Главным идеологом и реализатором этих проектов стал И.И.Бецкой (1703–1795), обучавшийся в Копенгагене, Або, Лейпциге и Париже, разработчик целой линейки уставов для учебно-воспитательных учреждений (Академии художеств, Шляхетного корпуса и т.д.). Однако очевидная элитарность «воспитательной инициативы» И.И.Бецкого – несмотря на то, что в его проекте участвовали и дворяне, и мещане – не соответствовала ни масштабам Российского государства, ни вызовам, на которые оно было вынуждено в то время отвечать.

Тем временем в Пруссии, а с 1774 г. и в Австрии была проведена реформа начальных и высших народных школ, в ходе которой эти школы были сведены в стройную систему, установлена специальная учебная администрация, введены рациональные приемы преподавания и организована тщательная подготовка учителей. В 1780 г.,

во время своего визита в Россию, с вновь организованной системой начального образования императрицу Екатерину II познакомил австрийский император Иосиф II, который выслал в Россию полные комплекты учебников австрийских нормальных школ и рекомендовал в качестве эксперта–консультанта серба Ф.И.Янковича-де-Мириево (1741–1814), реализовавшего училищную реформу на территории Темешварского баната Австрийской империи, где преобладало православное население [11, с. 135–139].

Для реализации реформы австро-прусского образца в России 7 сентября 1782 г. была организована Комиссия об учреждении народных училищ, ставшая в дальнейшем основой для создания в 1802 г. Министерства народного просвещения. Показательно, что глава названной комиссии П.В.Завадовский стал первым российским министром народного просвещения. Именно в Комиссии об учреждении народных училищ постепенно вызрела концепция общероссийской системы образования полного цикла, с сетью университетов и учебных округов. Реализация этой концепции началась в 1803 г., при императоре Александре I. Ретроспективный анализ основ формирования просветительного пространства позволяет говорить, что именно с начала XIX в. и следует вести отсчет истории российской системы образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Памятники литературы Древней Руси (ПЛДР). XI – начало XII века. М., 1978.

2. *Макарий [Булгаков]*, епископ Винницкий (позже митрополит Московский). История Русской Церкви. Т. I. СПб., 1857.

3. *Рогов А.И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966.

4. *Самодурова З.Г.* Школы и образование // Культура Византии. Вторая половина VII–XII в. / Отв. редакторы З.В.Удальцова, Г.Г.Литврин. М., 1989. Samodurova Z.G. Shkoly i obrazovanie // Kul'tura Vizantii. Vtoraya polovina VII–XII v. / Otvetstvennye redaktory Z.V.Udal'cova, G.G.Litvrin. M., 1989.

5. Памятники литературы Древней Руси (ПЛДР). XI – начало XII века. М., 1978.

6. *Татищев В.Н.* Собр. соч.: в 8 т. М., 1994. Т. III.

7. *Фонкич Б.Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009.

8. *Майерберг А.* Путешествие в Московию барона Августина Майерберга, члена императорского придворного совета, и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу, в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом. М., 1874.

9. *Мышлаевский А.З.* Офицерский вопрос в XVII веке (Очерк из истории военного дела в России) []. СПб., 1899.

10. Наказ Императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения / Под ред. Н.Д.Чечулина // Памятники русского законодательства 1649–1832 гг., издаваемые Императорской Академией наук. СПб., 1907.

11. *Яблоновский–Фомин.* Русский биографический словарь. СПб., 1913.

Дата поступления – 19.05.2026

Formation and genesis of the Russian education system before XIX century

Nikolay A. Patov – Dr. Sci. (Pedagogics), Academician of the Russian Academy of Education, professor, Professional Education Publishing House (Bryansk, Russia); patovnabryansk@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the process of formation and transformation of the educational environment in Russia. Special attention is given to state policies, primarily in the field of higher education. The research covers the period from the Christianization of Rus to the establishment of the Ministry of Public Education under Count Pyotr Zavadovskiy in 1803, which became the first central authority responsible for the development of education, science, and censorship in the country. The specifics of interaction between the society, the state, and education system in Russia, as well as the interpenetration of European and Russian enlightenment traditions in the specified period are examined in detail.*

Key words. *Specific nature of education, educational scenario, educational initiatives, polemic state, a set of political and philosophical principles, P.V.Zavadovskiy.*

REFERENCES

1. Pamyatniki literatury Drevney Rusi (PLDR). XI – nachalo XII veka [Literary monuments of Ancient Rus' (LMAR). XI – early XII centuries]. Moscow, 1978.

2. *Makariy [Bulgakov]*, episkop Vinnickiy (pozzhe mitropolit Moskovskij) [Bishop of Vinnitsa (later Metropolitan of Moscow)]. *Istoriya Russkoy Cerkvi* [History of the Russian Church]. V. I. Saint Petersburg, 1857.

3. *Rogov A.I.* Russko-pol'skie kul'turnye svyazi v epohu Vozrozhdeniya (Stryykovskiy i ego Hronika) [Russian-Polish cultural relations during the Renaissance (Stryjkowski and his Chronicle)]. Moscow, 1966.

4. *Samodurova Z.G.* Shkoly i obrazovanie [Schools and education]. *Kul'tura Vizantii. Vtoraya polovina VII–XII v.* [Culture of Byzantium. Second half of the 7th–12th centuries]. Eds. Z.V.Udal'cova, G.G.Litvrin. Moscow, 1989.

5. Pamyatniki literatury Drevney Rusi (PLDR). XI – nachalo XII veka [Literary monuments of Ancient Rus' (LPAR). XI – early XII centuries]. Moscow, 1978.

6. Tatishchev V.N. Sobranie sochineniy: v 8 t. [Collected works: in 8 volumes]. Moscow, 1994. V. III.

7. *Fonkich B.L.* Greko-slavyanskie shkoly v Moskve v XVII veke [Greco-Slavic schools in Moscow in the 17th century]. Moscow, 2009.

8. *Mayerberg A.* Puteshestvie v Moskoviyu barona Avgustina Mayerberga, chlena imperatorskogo pridvornogo soveta, i Goraciya Vil'gel'ma Kal'vuchchi, kavalera i chlena pravitel'stvennogo soveta Nizhney Avstrii, poslov avgustejshego rimskogo imperatora Leopol'da k caryu i velikomu knyazyu Alekseyu Mihajlovichu, v 1661 godu, opisannoe samim baronom Mayerbergom [Journey to Muscovy of Baron Augustin Mayerberg, member of the imperial court council, and Horace Wilhelm Calvucci, knight and member of the government council of Lower Austria, ambassadors of the august Roman Emperor Leopold to the Tsar and Grand Duke Alexei Mikhailovich, in 1661, described by Baron Mayerberg himself]. Moscow, 1874.

9. *Myshlaevskiy A.Z.* Oficerskiy vopros v XVII veke (Ocherk iz istorii voennogo dela v Rossii) [The officer question in the 17th century (Essay on the history of military affairs in Russia)]. Saint Petersburg, 1899.

10. Nakaz Imperatricy Ekateriny II, dannyj Komissii o sochinenii proekta novogo ulozheniya [Instruction of Empress Catherine II given to the Commission on drafting a new code]. Ed. N.D.Chechulin. *Pamyatniki russkogo zakonodatel'stva 1649-1832 gg., izdavaemye Imperatorskoj Akademiej nauk* [Monuments of Russian legislation 1649-1832, published by the Imperial Academy of Sciences]. Saint Petersburg, 1907.

11. *Yablonovskiy–Fomin.* Russkiy biograficheskiy slovar' [Russian biographical dictionary]. Saint Petersburg, 1913.

Submitted – 19.05.2026